

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб: Изд-во СПбГУ. Вып. 1 (А – дрожжаник). 1994. 509 с.; Вып. 2 (Дрожжевик – косячок). 1995. 447 с.

Русская диалектная лексикография, имевшая богатую традицию в прошлом веке, получила могучий стимул в послевоенный период, когда и академические институты, и практически все вузы страны были вовлечены в создание Русского лингвистического атласа. Эта идея позволила сконцентрировать силы наших диалектологов на широком ареальном обследовании лексики, дала концептуальное и материальное обоснование многим диалектологическим экспедициям (resp. диалектологической практике студентов), привела к созданию фундаментальных карточек. Такие монументальные своды русской народной лексики, как "Словарь русских народных говоров", "Псковский областной словарь с историческими данными", "Архангельский областной словарь", "Словарь брянских говоров" послужила образцом для множества региональных словарей: деулинского и мещерского (resp. рязанского), московского, новгородского, смоленского, вологодского, донского, ярославского, орловского, акчимского (resp. пермского), русских говоров Мордовии, Мурманской, Новосибирской, Сахалинской областей и др.

Понятно, что и по составу словника, и по качеству лексикографической обработки, и по принципам составления эти словари достаточно разнообразны. Тем не менее их совокупность образует богатейший банк данных по русской диалектной лексике, который в полной мере сможет быть исследован лишь в будущем веке. А поскольку, по мнению многих лингвистов, диалекты находятся на пороге исчезновения, то само создание таких словарей, картотек и других материалов имеет непреходящую ценность для русистики.

"Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей" (СРГК) – достойное пополнение многочисленной семьи диалектных словарей, появившихся в послевоенное время. Идея его создания (высказанная уже в 1963 г.) принадлежит Н.А. Мещерскому, который, проведя немало лет в карельской ссылке, хорошо знал и высоко оценивал значение русских говоров этого региона для истории нашего языка. А.С. Герд воплотил эту идею в жизнь. Им были организованы многочисленные диалектологические экспедиции, разработаны единые принципы сбора и интерпретации соответствующего материала, привлечены

к словарной работе коллективы русистов Санкт-Петербургского, Петрозаводского, Сыктывкарского, Тверского университетов и Карельского, Вологодского, Череповецкого, Кировского, Псковского и Костромского пединститутов.

Участие ученых из различных регионов в создании СРГК не случайно: осознавая архаичный характер русских говоров Карелии, А.С. Герд и его сотрудники постепенно расширяли собственно "карельский" ареал. Кроме регионов современной Карелии, словарь включает материал Мурманской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Новгородской и Тверской областей, которые ретроспективно представляют территорию бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода. Поэтому, собственно говоря, СРГК можно считать словарем масштабным – тезаурусом лексики Русского Севера. Благодаря инициативе и энергии главного редактора и интенсивной работе большого коллектива этот словарь был закончен и отредактирован полностью, прежде чем был представлен к изданию, а два его тома вышли в "рекордный" (по сравнению со многими другими диалектными справочниками, издаваемыми по методу "долгостроя") срок – в пределах одного года. Уже это делает его концептуально целостным и композиционно органичным.

СРНГ – словарь дифференциального типа, что подчеркивается в предисловии (1 : 4). Но дифференциальность его проявляется, по сути дела, лишь в принципах отбора лексики, элиминирующих слова, общие с литературным языком (в том виде, в каком они отражены в 17-томном Академическом словаре). Довольно многие же характеристики этого словаря несут заметный отпечаток лексикографического максимализма ларинской школы, поскольку и Н.А. Мещерский, и А.С. Герд, и многие составители словаря – прямые или опосредованные ученики Б.А. Ларина. Кроме максимальной, диахронически нацеленной широты ареала, СРНГ стремится и к весьма полному отражению семантики и вариантности описываемых слов, документирует большинство словарных статей удачно подобранными контекстами, включает немало ценных этнографических данных о духовной и материальной культуре русских, карел, вепсов Крайнего Севера и т.д. Словарь поэтому станет не только важным источником для изучения языка Русского Севера, но и для исследования целого комплекса проблем, связанных с проблемами этногенеза прибалтийско-финских народов и русских.

Максимализм описания находит надежную основу в богатейшей картотеке, насчитывающей свыше 1.5 млн. карточек. Эта фундаментальная база позволила отобрать и включить в словарь не только собственно диалектизмы, но и массу этнографизмов, профессионализмов, экспрессивных синонимичных рядов (особенно глагольных), префиксальных и суффиксальных образований, идиоматики и т.п. Тонко и точно регистрируются составителями как малейшие отклонения от общелитературной сочетаемости, так и элементы идиолекта, что делает словарь и ценным источником для изучения системы русской разговорной речи и ее творческого потенциала.

Языковой материал, описанный в СРГК, самоценен как зеркальное отражение жизни севернорусов в прошлом и настоящем. Составители стремились точно передать элементы народного быта во всем многообразии. Отсюда – большая детализация профессионализмов, которая достигается не только четкими и развернутыми дефинициями, но и группировкой народных терминов в виде коллокаций, т.е. в предельно полном наборе сочетания. Так, по коллокациям к словам *бревно*, *доска* или *класть* легко воссоздать в целостности процесс домостроения на Русском Севере: *балочное бревно* 'одно из бревен венца сруба, в которое врубаются балки пола', *башмачное бревно* – 'бревно с углублением для закрепления стропила', *верховое бревно* – 'одно из бревен верхнего венца сруба, в которых укрепляются стропила', *князевое бревно* – 'бревно на стыке скатов крыши, на которое опирается кровельный тес', *сквозное бревно* – 'бревно, которое кладется поверх ряда надоконных бревен' (1 : 110–111); *балочная доска* – 'половая доска, накладываемая на балки', *половая доска* – 'крышка из досок на полу, открывающая вход в подполье' (1 : 493–494); *класть в шпунт* – 'соединять доски без гвоздей' (2 : 358) и мн. др. Этнографически точны и детализированы многие словарные статьи, образующие своего рода энциклопедические "гнездовья": *изба*, *корзина*, *короб* и др.). Читатель найдет здесь и рецепты народной кухни (например, *калитка* 2 : 318–319), и описания народных игр (*зелёная улица*), и народные названия праздников с праностикой (*Дарья – засори пролуба; Евдокия плющит*), и описания суеверных обрядов (*зачертиться*), ритуалов (*погоду заливать, заметить следья, за-*

плетать бороду) или демонологических персонажей (*жихарь, жихарёк, жихариха*) и многие другие слова-реалии, неотторжимые от традиционной народной жизни Русского Севера.

Немало в словаре и образных терминов типа *бабья драка* 'растение лилия' (1: 504), *ёлочки* 'одна из стадий роста льна' (2: 25), *бабушка-затворница* 'цветок ромашка', *лягуший кисель* 'икра лягушек' (2: 350), которые хорошо отражают креативные потенции разговорной речи. Обращают на себя внимание и оригинальные, подлинно народные словечки с ощутимой субъективной образностью типа *затоскливеть* 'сделаться плохо (о самочувствии)' (2: 218). Читатель найдет здесь и контексты, пронизанные неспешной народной мудростью: "*На свете, как на море, колыбается, так и жизнь*" (2: 408). В подобном ключе – и нехитрые житейские истории-притчи, которые многому могут научить спешащих жить современников. Вот одна из них – для наших "новых русских": "*Часы-то были у богачев, а один из-за цясов-то помер, зудился, зудился, что уронил на снеге на дороге, переживал так да помер*" (2: 260). Нередки и образчики ядрёного народного юмора – ср. характеристику дальней родни оборотом *девятая кость от задницы* (2: 444). Не обходят стороной авторы и грубые, бранные слова и выражения или их эвфемизмы: *ёколомене* 'бранно' (2: 24), *ё-кроё* 'как выражение удивления, возмущения чем-н. в сильной степени; бог ты мой' (2: 19); *зауголок* 'внебрачный ребенок' (2: 225) и т.п.

Экспрессивной лексике и фразеологии в СРГК отведено, как уже сказано, большое место. Кроме больших традиционно диалектных экспрессивных рядов лексики (особенно глагольной) составители отразили немало фактов, "навешанных" взаимодействием диалекта и литературного языка. Таковы, например, слова *бездельник* 'о телевизоре' (1: 52), *зонтик* 'парашют' (2: 257), *избач* 'библиотекарь', 'клубный работник, затейник', 'киномеханик в клубе', 'заведующий сельским клубом', *избачка* женск. к *избач* (2: 271), *берестовые калоши* 'лапти' (2: 320), *черная квартира* 'изба, отапливаемая по-черному' (2: 335), *идти по большевикам* 'идти вместе с кем-л., быть на чьей-л. стороне' (2: 268). Весьма многочисленны и всякого рода контаминации, словообразовательные и фонетические переосмысления, возникшие в результате та-

кого взаимодействия: *Еруслан* 'об аэроплане, самолете' (2: 28), *комедень* 'забава, шутка' (2: 410), *заявление крови* 'о приливе крови (в голову) при повышенном кровяном давлении' (2: 243), *излияние мозгов* 'кровоизлияние' (2: 281) и т.п. Вообще современная жизнь, судя по материалам словаря, весьма активно вторгается в диалектную речь, перерабатывая многие актуальные понятия на свой лад. Ср. экспрессивные слова и обороты типа *Китай* 'о многолюдном населенном пункте' (2: 354), *смешить Европу* 'вызывать насмешки своими действиями или поведением' (2: 20), *Малая земля* 'о человеке маленького роста' (2: 250 – возможно, намек на одноименную брошюру малого формата Л.И. Брежнева) и т.п.

Пробным камнем качества словарей, как известно, являются дефиниции и филиация значений. И в этом отношении СРГК отвечает самым высоким требованиям. Детализированная семантическая дифференциация – одна из главных целей словаря. И эта цель составителями успешно достигается, что показывают многие словарные статьи: *водить* (13 значений), *жить* (20), *заступить* (12), *играть* (9), *имать* (15), *класть* (21) и т.п.

Важным элементом детализации и конкретизации семантики является последовательное стремление отразить лексику во всех ее валентностных отношениях. Отсюда – большое число устойчивых словосочетаний к лексемам активной валентности: *дерево* (*глухое дерево, комлевое дерево, креневое дерево, мяндовое дерево, фальтовое дерево* и др.), *зайти* (*зайти вглубь, зайти в годы, зайти в душу, зайти в память, зайти нездоровью* и др.), *идти* (*идти на леший след, идти на опашку, идти в защиту, идти в нырки, идти на жоры, идти на косы глаза* и др.). Даже когда лексикографическими знаками такая сочетаемость не выделяется, в контексте она сохраняется – например, онежский оборот *ни жерздины, ни кола* (возможно, – локальный вариант известной идиомы *ни кола, ни двора*) "запакован" в цитации к слову *жердина* (2: 49). Контекстный материал словаря вообще имеет большую ценность, и исследователь может добыть из него нужную ему информацию. Так, синтаксист обнаружит в иллюстрациях типичную для региона синтаксическую конструкцию Им. с инф. (*байна топить*) – 2: 38; *вода зажигать* – 2: 122; *яма искать* – 2: 295), а паремиолог – немало пословиц

(Пуганый заяц и куста боится – 2: 244; Под лежащий камень вода не канет – 2: 325), Не тот зеворот, который заехал оглоблей в рот, а тот зеворот, который держал открытый рот (2: 248).

СРГК – один из самых богатых диалектических словарей по отражению в нем фразеологии. Многие большие гнезда строятся едва ли не исключительно на фразеологии в широком смысле слова – см. Бог, голова, дух, душа, земля, камень и др. Для историко-этимологических интерпретаций особо важны локальные варианты общелитературной идиоматики типа ни клочка (сучка) ни задорчинки (2: 117), городить авию (1: 16), на авось божию (1: 17) и т.п. Многие фраземы, зафиксированные в СРГК, значительно расширяют ареал славянской идиоматики. Так, например, сравнительный оборот земля землей 'о грязном пьяном человеке' (2: 249) подтверждает предположение Н.И. Толстого, что сербохорв. *нијан као мајка зема* имеет ареальные проекции и в восточнославянских диалектах.

К достоинствам словаря относится и пристальное внимание к словообразовательным потенциям диалектного слова. Так, ряд префиксальных образований с *из-* насчитывает свыше 350 лексем (2: 269–287), а образований с *за-* свыше 3300 лексем (2: 79–244). Ср. вариантные ряды типа *досего, досёго, досё, досев, досево* (1: 492); *досюдни, досюдошний, досюлешный, досюли* (1: 497); *зде, здёка, здёкава, здене, здесева, здесёка, здесья, здесьява, здесьяка, здесьякова, здесьяку, здесьятко* (2: 246); *зимось, зимусь, зимуся* (2: 253) или *корела, корелачить, корелечить, корелка, корелить, корелок, корелы, корельщина, кореляк, кореляне, корелять, корелячинье, корелячить* (2: 423). Такие словообразовательные парадигмы еще раз убеждают в неисчерпаемом богатстве народной речи.

Любой коллективный труд, особенно словарный, да еще стремящийся "остановить мгновенье" живой речи, разумеется, не может быть абсолютно унифицированным. При всех исключительно трудоемких попытках главного редактора и редакторских групп провести такую унификацию по всем аспектам, в некоторых случаях можно найти поэтому некоторые разночтения при описании тождественных или близких языковых фактов. Таково, например, отражение народных сравнений в словаре. В одних случаях они выделены с помощью

пометы в сравн. ("Матерьял как брюховинка" – 1: 125; "Женихов у нас, как у заплоты льду" – 2: 177; "Старушка старенькая, как клюшечка" – 2: 377; "Сидят на танцах, как колобушки" – 2: 400; "Как кострома, бегаёт" – 2: 443) без дефиниции: в других даются под знаком, общим для устойчивых сочетаний > с дефиницией (как выпитый 'изможденный' 1: 278; *глядит как мертвый изпод савана* 'глядит исподлобья, неприветливо, мрачно' – 1: 344; как осиное гнездо 'об очень пьяном человеке' – 1: 345); в третьих, даже маркируются знаком сильной идиоматичности Δ и толкуются (как в руку вложить 'понятно, доходчиво' – 1: 206); в четвертых, не выделяются вообще (как *гмыря* – 1: 344; как *елец* – 2: 24; *забизяндаль, как комар* – 2: 81; как *строкивой зажгли* – 2: 121; *залилась, как бочка* – 2: 149). Примеры такого неадекватного подхода встречаются даже на одной странице. Так, сравнение *сидит, как кокач* 'о замерзшем человеке' дается с пометой в сравн., а (*стоит*) как *коковень* 'очень крепко' – под > (2: 389). Лингвистического основания для столь "разнобойного" описания однородных единиц, как кажется, нет. Во всяком случае, приведенные примеры достаточно однородны и "перекрестны", несмотря на их разную группировку составителями.

При отмеченном выше стремлении авторов к дифференциации и детализации лексики нельзя не обратить внимания на некоторую недифференцированность подачи устойчивых словосочетаний и идиоматики. В основном они даются под одним и тем же знаком >, хотя и функционально, и семантически эти два класса устойчивых словосочетаний весьма различны. Отсюда в одном гнезде без дифференциации помещаются столь разные обороты, как профессионализмы-термины типа *лапти драть* 'плести лапти', *сок драть* 'гнать сок' и идиомы типа *зубы драть* 'сплетничать, болтать попусту, трепать языком', *драть дёром рот* 'громко петь' (1: 505) или *прибавить байну* 'о тепле, паре в бане' и *дать байну* 'наказать, выругать кого-н.' (1: 31). Знак Δ, используемый составителями для идиоматики, поэтому не очень эффективно "работает": ведь под ним даются практически такие же обороты, которые в других гнездах обозначены >: *сердце закатило* 'сердце заболело, сердце схватило' (2: 128), *кляч в горле встал* 'об ощущении комка в горле' (2: 379). Ср.

обороты типа *в худых душах* 'устать, утомиться', данные под > (2: 13), но обладающие даже большей квотой идиоматичности, или *сердце захолонуло* (2: 233), *сердце пошатнулось* (2: 121), которые вообще не выделены из контекстов в корпусе словаря. Кстати, несколько непривычен для фразеологов и знак ◇, которым в словаре обозначены "примеры, иллюстрирующие лексическую сочетаемость слов, нетипичную для литературного языка" (1: 4) типа "Я и чаю не едала до утрешнего" для *едать* (2: 20). Традиционно это именно знак высшей идиоматичности, фразеологических сращений.

Можно было бы отметить и некоторые другие непоследовательности в отражении фразеологии в словаре – например, отсутствие управления для глагольных оборотов (типа *затрясёт стыд* – 2: 220; *изморозь взяла* – 2: 283 и др., для которых контекст дает реакцию *кого*); не выделенность фразеологических единиц для слов типа *закукры* (*на закукры, на закукрах*), *закукорки* (*на закукорки* – 2: 144); нестабильность в выделении грамматической доминанты устойчивого словосочетания и т.п. Эти упреки, однако, относятся не столько к составителям СРГК, сколько к общему состоянию лексикографической разработки диалектной русской фразеологии. И в этом отношении рецензируемый словарь скорее даже более последователен и корректен, чем многие другие. Главное же, – и в области описания этой группы единиц составителям удалось с большой полнотой отразить массу находящихся в броуновском движении речевых устойчивых и неустойчивых словосочетаний. А это – главная задача любого

хорошего словаря. Конечно, и здесь, как и в области лексики, еще можно будет искать и находить новый материал (ср. слово *закалюка*, отсутствующее в словнике на – 2: 127, но отраженное в контексте к слову *запоперечить* на – 2: 181). Но это будут уже отдельные находки – дополнения к фундаментальному корпусу, описанному знатоками говоров Русского Севера.

Каждый словарь, как и любая книга, имеет свою собственную судьбу. Судьбой СРГК стало то, что он органически объединил экспедиционную работу на необъятных территориях Русского Севера, стал задолго до своего издания хорошей лексикографической школой для многих диалектологов. Этот словарь – подлинная энциклопедия народной крестьянской жизни. И не только жизни традиционной, уже минувшей. "Отражая тенденции развития разговорной речи, он... тем самым обращен в будущее. – подчеркивает в предисловии А.С. Герд. – Через определенный промежуток времени неизбежно встанет проблема создания новых словарей по тем же областям, и тогда словари, подобные данному, будут служить основной шкалой для самых различных сопоставлений и сравнений" (1: 5). Два вышедших из печати тома "Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей" имеют все основания для того, чтобы стать такой шкалой для нашей диалектологии. А устремленность его составителей в будущее свидетельствует и о том, что он после выхода сохранит и статус высшей лексикографической школы.

В.М. Мокиенко